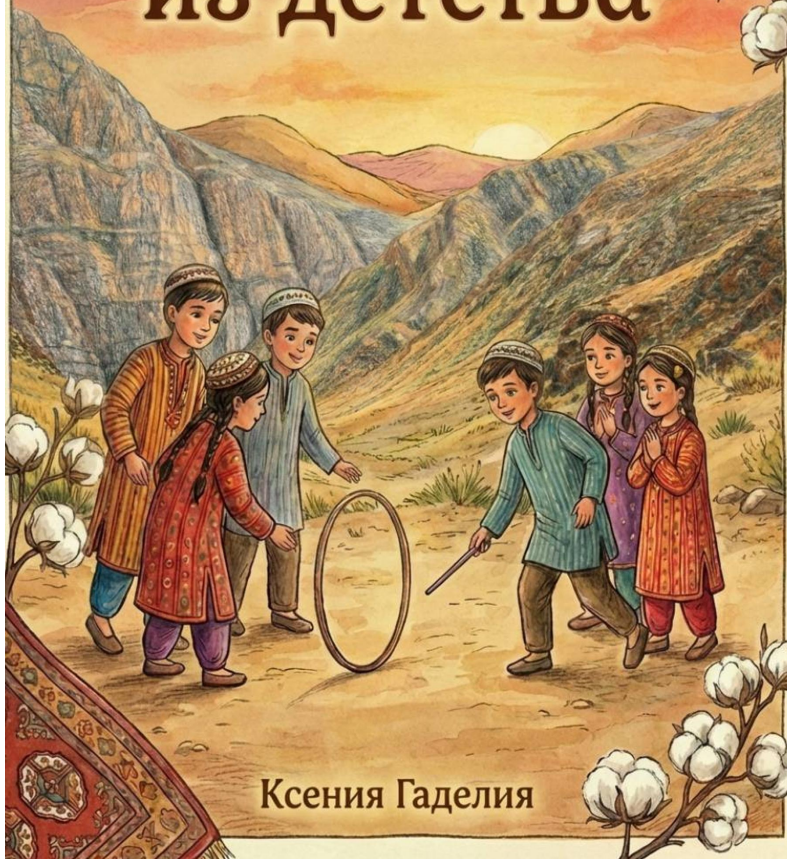

Истории из детства

Ксения Гаделия

Ксения Гаделия

Истории из детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73504738

SelfPub; 2026

Аннотация

«Истории из детства» Ксении Гаделия – это трогательные рассказы о жизни в Туркменистане, которые переносят читателя в мир детства, где каждый звук, запах и воспоминание наполнено теплом и любовью к Родине. Книга раскрывает перед читателем картины из жизни автора, её встречи с природой и людьми, а также удивительные моменты, которые формируют личность. Лёгкая проза Ксении Гаделия погружает в атмосферу детства, позволяя читателю ощутить запахи полыни и свежего хлеба, услышать голоса животных и смех детей. Книга передаёт красоту и величие природы, а также мудрость и доброту простых людей. «Истории из детства» – это не просто рассказы, это путешествие в прошлое, которое дарит читателям незабываемые впечатления и эмоции.

Содержание

ПРОЛОГ: ОБЕЩАНИЕ ЛЕТА	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПЕРВЫЙ ЧОРЕК	11
ГЛАВА ВТОРАЯ: ПЕРВЫЕ ШАГИ В СЕДЛЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ксения Гаделия

Истории из детства

Туркменистан – Отчизна любимая
Край родимый мой,
В мыслях и сердцем я всегда с тобой.

Эти строки я часто вспоминаю и повторяю. Я не заучивала клятву специально, но они каждый день встречали меня при входе в родную школу №7 города Ашхабада. Слова эти стали частью меня, они очень точно отражают моё отношение к Родине. Потому что Родина, детство – это то, что сформировало меня как личность, да и каждого из нас.

Иногда какой-то звук или запах внезапно возвращает меня в то время. Сейчас я живу в большом городе, где за окном в основном слышен гул машин. А вспоминается мне тихий, размеренный стук – кто-то что-то мастерит во дворе. Слышу голоса животных с первого этажа: приветственное «беее» барашка у подъезда и вторивших ему индюков. Чувствую запах хвороста и свежего чорека, который соседка печёт прямо во дворе, вспоминаю тени от листвы деревьев, слышу смех детей и помню тишину и красоту нашего Ботанического сада...

Это все – часть меня, мой внутренний мир. И мне так хо-

чется, чтобы знание об этой прекрасной стране, о её тихих дворах, ароматном хлебе и ярком солнце, было не только у тех, кто там жил или живёт сейчас.

Я хочу, чтобы и те, кто никогда не был в Туркменистане и, возможно, никогда не будет, – тоже ощутили его тепло. Чтобы они знали, что на свете есть такое замечательное место, которое навсегда остаётся в сердце.

ПРОЛОГ: ОБЕЩАНИЕ ЛЕТА

В тот год лето пришло в наш аул не спеша, будто старый верблюд по раскалённому щебню. Оно принесло с собой пыль, запах горячей полыни и нас – меня, Джерен, моих младших братьев: десятилетнего Амана, который уже пытался казаться взрослым и рассудительным, семилетнего Байрама, что жил еще в мире мальчишеских грёз и нашего пса Екемена. Мы приехали из города на все три месяца.

Бабушка Марал встречала нас на крыльце. Лицо у неё было в глубоких морщинках и улыбка, от которой становилось тихо и хорошо.

–

Саламалейкум, мои соколы, – сказала она. – Устали с дороги? Заходите в дом, сейчас заварю горячий чай и...

Она не договорила, потому что Байрам, который всю дорогу ныл и ворчал, вдруг замер, широко раскрыв глаза. Он смотрел куда-то за дом, за плетень, на большой зелёный выпас, который спускался к арыку.

–

Ло... лошади, – прошептал он так тихо, что мы все обернулись.

И правда, на лугу, в золотой пыли от закатного солнца, паслись две лошади. Не гигантские скакуны, а изящная молодая кобыла и жеребёнок-годовичок. Даже издалека было видно – чистые ахалтекинцы: сухие, высоконогие, с лебедиными шеями. Шерсть матери отливала тёмным золотом, а на

её тонком, благородном лице горела белая звездочка, точёная, как месяц.

—

А, это Алтын и её дочка Ыылдыз, — кивнула бабушка Марал. — Молодняк из хозяйства Бегенч-ага. Он попросил посмотреть, пока новые денники строят. Будущие чемпионки. Гордые, как и вся их порода. К себе близко не подпускают.

Но Байрам уже не слушал. Он медленно, заворожённо, как лунатик, пошёл через двор. Я хотела его окликнуть, но бабушка положила мне на плечо тёплую, узловатую руку.

—

Пусть идёт. Посмотрим.

Он перелез через низкий плетень и пошёл по лугу. Аман засопел от волнения, Екемен прижал уши. Лошади подняли головы. Они смотрели на мальчишку. Алтын насторожилась, вытянула шею, её большие тёмные глаза, полные немого достоинства, изучали его. Байрам остановился в двух шагах. Он не махал руками, не кричал. Он просто смотрел. И тогда случилось чудо. Алтын, эта юная царица степи, сделала шаг навстречу. Осторожно. И опустила свою красивую голову, будто позволяя прикоснуться к тайне.

—

Вот так встреча, — только и сказала бабушка Марал, и в её голосе звучало удивление. — Видно, признала своего. Таких коней не силой берут, а сердцем.

Екемену, видимо, стало обидно, что всё внимание не ему.

Он громко, отчаянно гавкнул и рванул с места. Ёылдыз, пугливая, шарахнулась в сторону, Алтын рванула за ней, а Байрам с диким воплем «Вперед!» – за ними.

Так, в суматохе смеха, криков и лая, и началось то лето. Лето, которое уже тогда, в первый вечер, пахло не просто пылью и пылью. Оно пахло чудом. Чудом немого разговора между мальчиком и лошадью. Чудом, которое дразнило нас, суля впереди ещё больше.

Вечером, сидя на деревянном тапчане перед домом и попивая чай, я смотрела, как Байрам уже мирно возился с Екеменом, но глаза его всё ещё светились от радости встречи с лошадьми. Бабушка вышла к нам, села рядом и посмотрела на темнеющее небо, где зажигались первые, робкие звёзды.

–

Ну что, – сказала она тихо, больше глядя куда-то вдаль, чем на нас. – Пора ложиться. Завтра рано вставать.

Она обвела нас своим спокойным, тёплым взглядом, и в её улыбке угадывалось что-то безмерно мудрое и доброе.

–

Впереди вас ждет столько всего.

И мы ей поверили. Потому что наше лето только что по-настоящему началось. И оно уже было переполнено тишиной, звёздами и обещаниями. Самыми главными обещаниями в нашей жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПЕРВЫЙ ЧОРЕК

Первый звук, который я услышала утром, был не крик петуха и не гудок машины. Это был тихий, мерный стук. Туки-тук. Туки-тук. Я открыла глаза. За окном было серо-розовое предрассветное небо, а звук шёл со двора.

Я накинула халат и вышла. Во дворе, под огромной старрой тутовницей, сидела на низкой скамеечке бабушка Марал. Перед ней стояла широкая деревянная чаша – **техсе**, а в руках она держала овальный камень. Туки-тук. Туки-тук. Она толкла в ступе зёрна пшеницы.

–

Эне

, что ты делаешь? – спросила я, садясь рядом на корточки.

–

Бужу солнце, – ответила она, не прерывая ритма. – И делаю закваску на день.

Ачитгы

. Без нее чорек не поднимется.

Она показала мне густую белую массу в глиняном горшочке, прикрытом чистой тряпицей. Пахло оно кисло и домашнему.

–

Его нужно кормить, как живое существо, – объяснила бабушка. – Мукой да тёплой водой. И ждать, пока оно созреет. Как хорошая мысль. Торопить нельзя.

Когда взошло солнце и проснулись братья, бабушка объявила:

–

Сегодня, Джерен, ты будешь моей главной помощницей. Будем печь чорек. А вы, джигиты, – кивнула она Аману и Байраму, – пойдёте с дядей Берды, он у конюшни лошадей поит. Поможете.

Братья, ещё клевавшие носом, мгновенно оживились при слове «лошади» и сразу убежали. А наша с бабушкой работа только начиналась.

Она отвела меня в прохладную кладовку. Там, в огромном глиняном кесе, уже поднималось тесто. Оно было живое, дышащее, и когда бабушка сняла ткань, густой, хлебный дух

ударил мне в нос.

–

Вот он, дух дома, – сказала бабушка, и дала мне понюхать. – Его ни с чем не спутаешь.

Потом начался танец. Бабушка щедро посыпала стол мукой, оторвала большой кусок теста и, ловко работая пальцами, скатала его в идеальный шар. Потом взяла в руки длинную, тонкую скалку – **оклавуч**.

–

Смотри, – сказала она. И её руки ловко заработали. Шар стал лепёшкой, лепёшка – тонким, почти прозрачным кругом. Она подбросила его в воздух, он перевернулся и мягко приземлился ей на ладони. Это было волшебство.

–

Теперь ты.

Мой шар упорно не хотел становиться кругом. Он лип к **оклаву**

, рвался, получался то толстым с одного края, то дырявым посередине.

—

Не силой, Джерен, а лаской, — мягко поправляла меня ба-

бушка, своими уверенными пальцами растягивая моё неуклюжее творение. – Представь, что это не тесто, а солнечный зайчик. Ты его не мнёшь, ты его ловишь.

Наконец, у меня получилось нечто отдалённо напоминающее круг. Бабушка одобрительно хмыкнула.

–
Для первого раза – отлично получилось!

Самое волшебное ждало нас у тамдыра. Дядя Берды с утра уже растопил его, набросав внутрь сухих веток саксаула. Теперь из круглого горлышка глиняной печи валил не дым, а прозрачный, колышущийся жар. Воздух над ним звенел.

Бабушка смочила в воде специальную круглую подушку – **сачок**, шлёпнула на неё мою лепёшку и, одним точным движением, прилепила её к раскалённой внутренней стенке тамдыра. Шлепок – она исчезла в жерле. Я затаила дыхание. Через минуту бабушка ловко подцепила её уже румяную, надувшуюся пузырями, и вытащила.

Мой первый чорек лежал на большом блюде. Он был... некрасивый. Кривой, один край чуть толще, сбоку маленькая подгорелая корочка.

–
Ну что, – сказала бабушка, – пробуем?

Она смахнула с лепёшки золу, разломилась её пополам. Хруст был таким звонким и ясным, что, казалось, его слышно во всём ауле. Внутри был тёплый пар и пористая мякоть. Бабушка смазала половину топлёным маслом и протянула

мне.

Я откусила. И всё. Просто всё. Городской хлеб из пакета, булочки из духовки – всё это в тот миг перестало существовать. Это был вкус самого утра, тепла, терпения и заботы. Вкус, который делается не машиной, а руками, и в который вложено время и часть души.

–

Ну как? – спросила бабушка.

–

Это... самый лучший хлеб в мире, – выдавила я, и у меня от этого простого признания вдруг запершило в горле.

–

Потому что он твой, – кивнула бабушка. – Потому что ты его сделала. Самый вкусный хлеб, самая сладкая дыня, самая чистая вода – это те, до которых ты дошёл сам, вложив труд. Запомни это.

В этот момент вернулись братья. От них пахло лошадьми, сеном и свежим воздухом.

–

Ой, чорек! – обрадовался Байрам.

–

Особенный, – сказала бабушка, подавая и ему кусок. – от Джерен. Первый!

Байрам съел свой кусок за две секунды, даже не заметив, что он кривой. Аман съел медленнее, задумчиво.

–

А правда, вкусный, – сказал он, и для меня это была высшая похвала.

Мы сидели за **дастарханом** во дворе, ели тёплый хлеб с **айраном**, солёным сыром и помидорами с бабушкиного огорода. Я смотрела на свои пальцы, в которые въелась мука, и чувствовала странную, новую для себя гордость. Не за пятёрку в школе, а за то, что смогла. Смогла испечь хлеб! Это было очень необычное чувство.

Впереди был целый день, целое лето. Но первый, самый главный урок этого лета был уже усвоен. Не из книжки, а из теста, жара тамдыра и мудрых рук бабушки. Терпение, труд и ожидание творят самое настоящее чудо. И оно пахнет свежим хлебом.

А где-то на лугу, я знала, паслись Алтын и Йылдыз. И мне уже не терпелось поделиться с ними этим чувством. И кусочком своего первого чорека.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ПЕРВЫЕ ШАГИ В СЕДЛЕ

Прошло уже две недели с нашего приезда, когда как-то утром дядя Берды сказал: “пора” наблюдая, как Байрам, сидя на заборе, безостановочно болтает с Алтын. – Лёгкий ты, как пёрышко. Конь тебя выдержит. Надо учиться верховой езде.

Учиться оказалось сложнее, чем мы думали. Всё началось не с седла, а с седловки. Дядя Берды привёл нас в свою старую конюшню, которая пахла кожей, овсом и временем. На стенах висели уздечки, недоуздки и стремяна разных размеров. Солнечные лучи, пробираясь сквозь щели в досках, резали воздух, в котором кружились миллионы пылинок.

–

Для такой принцессы, как Алтын, всё должно быть идеально, – объяснял он, доставая мягкую войлочную

потну (потник).

– Вот это кладётся первым, чтобы седло спину не натёрло. Потом само седло. А вот это —

гайыш

(подпруга). Самый важный ремень. Должен быть затянут так, чтобы под него проходило два пальца. Не больше, не меньше.

Байрам с серьёзным видом, нахмутив брови, старательно повторял все движения за дядей Берды. Его маленькие пальцы с трудом справлялись с тяжёлыми пряжками, но он не сдавался. Йылдыз, словно чувствуя важность момента, не отходила от матери, наблюдая за процессом своими большими, тёмными глазами.

Самым волнующим моментом стал выбор шлема. Вместо традиционной тубетейки дядя Берды принёс современный детский шлем для верховой езды – ярко-синий пластиковый, с ремешком под подбородком.

–
Что это? – скептически сморщил нос Аман.

–
Голова, – коротко ответил дядя. – Она одна. Её беречь надо. Наш Кёроглы может, и без него скакал, но у него голова была крепче. А у нас – своя голова. Надевай, джигит.

Байрам надел. В нём он выглядел как маленький космонавт, готовящийся к полёту на другую планету. Его волнение начало понемногу сменяться гордостью.

И вот мы вышли на луг. Алтын, уже оседланная, стояла посреди луга, нетерпеливо перебирая копытами. Солнце играло на её золотистом крупе, зажигая в каждой шерстинке крошечное солнышко. Она была невероятно красивой. И огромной. Особенно сейчас, когда нужно было на неё залезть.

Байрам в своём синем шлеме подошёл к ней. В глазах у него было всё сразу: восторг, панический ужас, решимость и вопрос «как же я, собственно, собираюсь это сделать?».

Ну – ободряюще сказал дядя Берды. – Помни, что ты не просто садишься. Ты вступаешь в союз. Доверяешь ей, а она – тебе.

Я и Аман встали по разные стороны, готовые подстраховать. Дядя Берды сложил ладони «замком», и Байрам, зажмурившись, поставил в них ногу. Один рывок – и он оказался в седле.

Наступила тишина. Даже Екемен притих. Байрам сидел, выпрямившись, вцепившись в переднюю луку седла. Глаза его были круглыми от удивления.

–

Выс...высоко... – прошептал он.

–

Ты как султан, – улыбнулся Аман.

Алтын почувствовала непривычную тяжесть на спине и слегка насторожилась, наострив уши. Но она не делала резких движений. Она ждала.

–

Ёлда, Алтын, – скомандовал дядя Берды, держа её под уздцы.

И она пошла. Медленно, плавно, словно неся хрустальную вазу. Байрам сначала замер, а

потом его лицо озарила такая широкая улыбка, что, казалось, она не помещалась под

шлемом.

–

Я еду! – воскликнул он. – Смотрите, я еду на Алтын!

Мы с Аманом шли рядом, а сердце у меня билось так, будто это я впервые села в седло. Дядя Берды постепенно отпустил повод, и вот уже Байрам сам, хотя и очень осторожно, вёл Алтын по кругу. Это было не просто катание. Это было таинство. Маленький человек и величественное животное, нашедшие общий язык и общий ритм.

Потом дядя Берды показал, как управлять поводьями, как почувствовать движение лошади телом. Байрам ловил каждое слово. Когда Алтын перешла на лёгкую рысь, он немного испугался, но, ухватившись за гриву и прижавшись к седлу, быстро адаптировался к новой, чуть более быстрой, реальности..

–

Вот теперь ты настоящий джигит! – крикнул я ему, когда он сделал ещё один круг, уже более уверенно.

–

Настоящий! – заливисто залаял в такт Екемен, носившийся вокруг них, будто почётный эскорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.